

Мщение и смерть кровавым палачам!

Только смерть фашистских мерзавцев может успокоить наше сердце

Меч возмездия обрушен на головы убийц и палачей. Он разит всех, кто разбойничал на нашей земле и кто писал кровавые «инструкции».

НА СНИМКЕ: один из гитлеровских убийц. Свой бесславленный конец немецкий палач закончил от мотной пули советского воина. Так будет с каждым фашистским мерзавцем!

Фото О. Игнатович.

Сын батальона

— А это наш самый молодой боец, — сказал командир батальона Николай Михайлович Сергунин.

Посреди комнаты, смело подняв голову, стоял маленький, коренастый мальчишка. Странные глаза были у него. Секунду они казались совсем веселыми, беззаботными, а потом темнели, и казалось, мальчик не видит комнаты, товарищей, совсем другие мысли, тяжёлые и страшные, заполняют голову.

— Юзик, отнеси пакет, — приказал командир.

— Есть!

Когда мальчик вышел, Сергунин рассказал о нем. Ему 12 лет. Это паренек из польской семьи, Юзик Барнет. Немцы ворвались в село, убили у него мать, отца, даже 80-летнего деда. А Юзик убежал. Немцы стреляли вслед, но по дороге попалась трава, мальчик нырнул в нее, бежал, ничего не видя кругом. Шел несколько дней без пищи, пока, наконец, перебрался через линию фронта, натолкнулся на наших ребят. И мы решили усыновить его. Мы решили: пускай будет у нас сын батальона. Мы с ним уже сотни километров прошли по польской, а потом по немецкой земле. Знаете, от того, что этот мальчишка рядом, легче везать, как-то не хочется отдыхать.

— Понимаете — не хочется отдыхать, — еще раз повторил Сергунин.

И все подумали: хорошо сказал командир. Как будто само горе шагает рядом с батальоном. Мальчишка, у которого убили ни в чем не виновную семью, ребенок, в которого целился, стрелял немецкий автомат. Мы привыкли к тысячам смертей, мы знаем Майданек, Освенцим. Но и достаточно представить себе одну эту судьбу, достаточно посмотреть в затуманенные горем детские глаза этого сына батальона, — и вся страшная немеччина встанет перед нами.

Но хочется отдыхать, нельзя отдыхать. Надо идти вперед в великом нашем последнем марше, пока не будет уничтожен последний немецкий палач, пока до конца исчезнет с лица земли подлая немецкая армия смерти.

(От наш. корр.)

Уничтожил 5 танков

Самодельное оружие коммуниста-гвардии лейтенанта Денисова является настоящей прозой для немецко-фашистских захватчиков. Только в последних боях самоходка Денисова уничтожила 5 немецких танков, из них 1 типа «королевский тигр» и два «тигра».

Когда в бой вступил из строя

командир батареи, гвардии лейтенант Денисов принял командование на себя. Поскольку часов он успешно вел бой с превосходящими силами противника, отразил несколько вражеских контратак, удерживая рубеж до подхода своих главных сил.

(По телеграфу от наш. корр.)

В Равенбрике, под Берлином, гитлеровцы сжигают советских людей

Воины-освободители! Спасите наших братьев и сестер!

Рассказ Людмилы МАРЧЕНКО.

Мы встретили Людмилу Марченко — молодую русскую девушку, освобожденную вместе с тысячами других наших граждан, угнанных в Германию, в небольшом городе Гинденбурге на второй день после того, как туда ворвались наши части. На окраинах города еще шел бой, а в центре уже заводился порядок, и работники военной администрации ходили от дома к дому, вылавливая укрывшихся в чердаках и подвалах гитлеровских солдат и офицеров, расставляя караулы у складов, организовывали охрану шахт и предприятий. Вместе с ними находилась Людмила Марченко, исполнявшая обязанности переводчицы.

Она рассказала нам историю ее жизни в Германии.

— В 1942 году вместе с большой партией русских людей нас привезли из Таганрога в Гинденбург. Это была в подлинном смысле слова дорога смерти. Нас везли в закрытых теплушках, без окон, как скот. Ни есть, ни пить нам не давали. Плач и стоны царили в вагонах, где люди были набиты, как сельди. Врежь от времени, на остановках, отодвигались засовы, и к нам врываются пыльные немецкие солдаты, потешавшиеся над нами.

Не помню точно названия станции, — это было уже на территории Германии, — нас посетил какой-то одетый в гражданское платье немецкий член. Он про-хозяйски осмотрел всех находившихся в вагонах и после этого выразил восторг на немецком языке свое неудовольствие состоянием невольников.

— Ведь они должны работать на Германию, — сказал он сопроводившему его нашему коволю. — А в том состоянии, в каком находится проклятые русские, — он так и сказал, — от них никакого толку не будет.

Скорее нас доставили в Гинденбург. Многих отравили на шахты, а меня вместе с группой девушек — на проволочно-веревочную фабрику Дейхселя. Ужасное впечатление произвел на нас лагерь, огороженный проволокой, с вышками на углах, на которых стояла вооруженная охрана. В бараках, куда нас ввели, были сколочены двухрусные нары, устланные соломой. Нам предложили «отдохнуть» — уже была глубокая ночь, — с тем, чтобы с утра выйти на работу. Еще не рассвело, когда всех выстроили и ввели по цехам.

Мне «сповзело». Как знающую немецкий язык меня назначили переводчицей.

Говорят, что люди ко всему привыкают. Год привела я с моими подругами на этой фабрике, и нам казалось, что солнце навсегда скрылось для нас. Все работало очень тяжело, владели полугодичное существование. Но оказалось, что это не самое страшное. Все русские были выведены до положения бесправных рабов, и знали мы только одно слово: «фоботеи» — запрещено. Запрещено было разговаривать по-русски, запрещено было покинуть хотя бы на полчаса пределы лагера, запрещено было смеяться, запрещено было плакать. Особенно тяжело было последнее — не плакать было невозможно.

Вскоре на фабрике начался саботаж. Девушки стали под всевозможными предлогами отказываться от работы. Увеличилось количество простоев, началось неполадки в оборудовании. По ряду своей работы я имела доступ к переписке, которая велась в канцелярии фабрики, и поэтому держала своих товарищей в курсе всех мероприятий, которые проводила дирекция. Однажды меня училили в том, что я уничтожила доносские директивы в полиции по поводу убийства русских. Меня арестовали и отвели в

гинденбургскую тюрьму. Начался новый этап в моей жизни. Вместе с группой арестованных меня привезли в кровавскую тюрьму, оттуда в варшавскую, штеттинскую, торскую, диндигскую и, наконец, в берлинскую. Оттуда меня отвели в знаменитый штраф-лагерь «Равенбрик». Это одно из самых страшных учреждений гитлеровской Германии. Сюда привозят «спривиншица» со всех концов Европы. Здесь были русские, французы, бельгийцы, датчане, греки, поляки, чехи, евреи. Здесь гитлеровцы расправлялись с неугодными для них людьми, в частности с интеллигенцией.

Меня острелили, сняли одежду и вместо нее выдали халат из белых и синих полосок с размером на спине. Опыты я потеряла свои и свою фамилию, точно так же, как и все обитатели этого жуткого лагеря. Опыты я стала «номером». На рукаве моего единственного платья был изображен прекрасный треугольник, означавший, что я «политический преступник».

Весь распорядок в этом дьявольском изобретении гитлеровского режима был подчинен одному жезловому правилу — унизить человеческое достоинство, доставить страдания, умерить. Все заключенные обязаны были вставать в 3 часа 30 минут ночи, после чего выстраивались в ряд и без движения стояли час. Это называлось «сидеть». После завтрака, представлявшего собой кружку горячей воды с кусочком хлеба, все отправлялись на работу. Работа была такая: часть заключенных работала на предприятиях, многие занимались мертвым, а те, для которых работы нехватало, просто перетаскивали камни с места на место. Лишь в 6 часов вечера голодные и измученные люди, по раз испытывавшие на себе удары палки, возвращались к себе в бараки. И снова — «сидеть».

В этом лагере уничтожили, как его называли сами немцы, все было приспособлено для умерщвления. И госпиталь, откуда больше, чем в лазарете, ни разу не возвращались обратно, и карцеры, куда уводились люди по любому, даже самому незначительному поводу, даже за поворот головы, и газокмеры, и промывочный «едок». Мне не пришлось, к счастью, видеть это «изобретение» гитлеровских палачей. Но все мы знали хорошо, что печи работают круглосуточно. Густой, тяжелый туман из шлака все время висел над лагерем. Слой шлака откладывался на наших лицах, на одежде, на всем, что нас окружало.

Никогда не забуду всего того, что пришлось увидеть, и пережить за время пребывания в лагере: я видела, как люди доходили до крайней степени истощения, настолько, что не в состоянии были говорить, я видела опухших от голода людей, умиравших массами, я видела группы людей, среди которых были врачи, инженеры, профессора, артисты, которых гитлеровцы так же жадно избивали.

В конце прошлого года кончился срок моего заключения в штраф-лагере и меня под коволю отравили обратно в Гинденбург на фабрику Дейхселя. Через четыре дня нас освободила Красная Армия.

И я обрадовалась во всем бойцам с привычкой: Дорогие братья — освободители наши! В Равенбрике, под Берлином, заточены сейчас десятки тысяч невинных людей. Этими людям угрожает смерть. Идите быстрее вперед, дорогие, освободите их, спасите их жизни. Уничтожьте навсегда этот дьявольский злобный продукт гитлеровской Германии! Отомстите за наших мучи.